

С. Т.
АКСАКОВ

Сочинения

Сергей Тимофеевич Аксаков

Письмо в Петербург

«Наконец, исполнились нетерпеливые ожидания страстных галломанов, наступила эпоха в театральных летописях Москвы, и французский театр в Москве, 1 января 1829 года, открылся «Расточителем» («Dissipateur») Детуша...»

Сергей Тимофеевич Аксаков

Письмо в Петербург

Наконец, исполнились нетерпеливые ожидания страстных галломанов, наступила эпоха в театральных летописях Москвы, и французский театр в Москве, 1 января 1829 года, открылся «Расточителем» («Dissipateur») Детуша.

Принадлежа к партии умеренных, или, лучше сказать, не принадлежа ни к какой, я сердечно желал, чтобы древняя столица наша украсилась новым общественным удовольствием – французским спектаклем. Признаюсь, однакоже, тебе, что, несмотря на пышные обещания галломанов, на громкие и непонятные фразы «Московского телеграфа», который возвещал, что французский театр будет освещен *разноцветным газом*, и с каким-то удовольствием и народною гордостью повторял выражения: *Французы в Можайске! Французы в Москве!* – несмотря на все это и на известную способность и охоту французов к театральному искусству, я не увлекался блистательными надеждами. Зная, что средства были недостаточны для привлечения к нам отличных артистов, я не ожидал много хорошего, но никогда не воображал, что увижу до

такой степени посредственное – чтоб не сказать больше, – как первый французский спектакль. Гостеприимная и великодушная московская публика приняла снисходительно дебют приезжих гостей, но без одобрения: истина была так очевидна, что почти все мнения слились в одно общее. Боже мой, какой бы шум подняли в Париже, если б там осмелились выписать такую иностранную труппу!

Самый выбор пьесы удивил меня. Надобно сказать правду, что и отличные артисты могли бы сделать эту пьесу – только не скучною. Старые, обветшалые формы, безжизненные характеры, пустая декламация, условная неестественность, кажется, уже никому не могут нравиться. Французы говорят, что это именно *пьеса для дебюта*. Положим так, – но для каких артистов? для отличнейших, которые бы собственным искусством и огнем согрели, одушевили холодное произведение старичка Детуша.

Сказав тебе мое мнение о труппе французской вообще, скажу и частное об артистах; но похвалы мои будут относительные к недостатку целого.

Г-н Менье играл Клеона (Расточителя). Выговор и орган у него очень хороши; первые акты, несмотря на выученные, манерные телодвижения, были лучше последних; но когда дело дошло до чувств и до огня, то, скажу скромно, явилась одна холодная, поддельная, несносная декламация. Барона играл г. Далес; его считают лучшим актером, но в этой роли едва ли он кому понравился. При всем том я заметил в нем некоторый жар, и, может быть, в других пьесах он будет играть удачнее.[1]

Дядю Жеронта играл г. Филибер. Орган у него не так хорош, по крайней мере он натуральнее других. Г-жа Виржини в роли Юлии была недурна: выговор прекрасный, и некоторые отдельные мысли автора выражены ею довольно удачно, но чувствительности души было очень мало. Всех лучше играла и всех более имеет таланта, по моему мнению, г-жа Альфред, занимавшая роль Финеты. На эту субретку всегда можно смотреть с удовольствием. Роль болтуни-крестьянки в водевиле она выполнила очень хорошо. Хуже других показался мне г. Виктор, игравший Паскения; зато Кузнецкий мост, французские книжные

лавки и другие московские французы были от него в упоении восторга.

Водевиль (Comedien d'Etempes) шел гораздо лучше. Г-н Сент-Альбен, игравший комедианта, имеет талант и искусство, но холоден: эта роль много бы выиграла от живости исполнения. Водевиль, любимое зрелище французской черни, для нее написанный, с такими фарсами, грубыми экивоками и непристойностями, не мог понравиться лучшему кругу московской публики, и выбор его для дебюта еще страннее выбора комедии. Я не дождался конца водевиля; говорят, что пели куплет, в котором величали русских покровителями талантов и изящных искусств. За это спасибо, и слава богу, если это не лесть, а правда — особенно в отношении к отечественным дарованиям. Г-н Сент-Альбен был вызван.

Чтоб лучше тебе дать понятие о французском спектакле, скажу, что его можно было сравнить с каким-то экзаменом взрослых воспитанников и воспитанниц в декламации на французском языке или в сказывании уроков. Чистое, правильное произношение и твердое знание наизусть составляли все его достоин-

ство. Мне даже жаль приезжих гостей наших: вероятно, они думали, что найдут публику, подобную той, которая наполняет мелкие парижские театры: без сомнения, эта уверенность уже проходит. Надобно отдать, впрочем, должную справедливость французским актерам: пиесы слажены, по возможности, очень хорошо, роли выучены твердо, реплики всегда схвачены вовремя, и вообще видно старание и внимание к искусству. Вот чему надобно у них учиться русской московской труппе.

1829 года, января 2-го дня.

Примечания

Это писано до несчастной кончины г. Далеса.
Французский театр много потерял в нем.

[^^^]